

УДК 343

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПРИ ПЕТРЕ I И ЕГО ОСОБЕННОСТИ ПО УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЛАМ

Упоров Иван Владимирович,

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием и организацией судопроизводства в период правления Петра I с акцентом на особенностях рассмотрения уголовно-политических дел.. Исследуются соответствующие нормативно-правовые и правоприменительные акты в данной сфере общественных отношений, научные труды, в которых затрагивается заявленная проблематика. Значительное внимание уделено анализу таких указов Петра I, как «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» (1697 г.), «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (1715 г.), «О форме суда (1723 г.)». Отмечается, что в то время судопроизводство и, соответственно, судоустройство по государственным преступлениям не имело сколько-нибудь четкой системы судебных органов, поэтому сочетались различные виды порученчества и возникавших на его основе временных учреждений – комиссий (приказов, канцелярий), которым царь делегировал следственно-розыскные и судебные полномочия. При этом предварительное расследование обычно означало одновременно и судебное рассмотрение.

Ключевые слова: судопроизводство, Петр I, розыскной процесс, указы, Сенат, бояре, приказы, комиссии, формы суда.

LEGAL PROCEEDINGS UNDER PETER THE GREAT AND ITS FEATURES IN CRIMINAL-POLITICAL CASES

Uporov Ivan Vladimirovich,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

This article examines issues related to the legal regulation and organization of legal proceedings during the reign of Peter the Great. It examines relevant legal and enforcement acts in this area of public relations, as well as scholarly works that address the stated issues. The

emphasis is on the analysis of such decrees of Peter I as "On the abolition of confrontations in judicial cases, on the existence of interrogation and search instead, on witnesses, on their challenge, on the oath, on the punishment of false witnesses and on duties" (1697), "A brief description of processes or legal proceedings" (1715), "On the form of the court" (1723). It is noted that at that time, legal proceedings and, accordingly, the judicial system for state crimes did not have any clearly defined system of judicial bodies; there was a combination of various types of mandate and temporary institutions that arose on its basis - commissions (prikaz, chanceries), to which the tsar delegated investigative and judicial powers. Moreover, the preliminary investigation usually simultaneously meant a judicial review.

Keywords: legal proceedings, Peter I, investigative process, decrees, Senate, boyars, orders, commissions, court forms.

В период правления Петра I решения за совершенные преступления выносили судебные инстанции еще в том понимании, как сейчас, еще не трансформировались в отдельные судебные органы. Судебными полномочиями обладал, естественно, сам абсолютный монарх Петр I, воля которого по любому вопросу являлась высшим законом, а также иные органы и должностные лица, которым, опять монаршими указами, помимо своих прямых обязанностей, доверялось выносить приговоры по конкретным делам (Сенат, совет бояр, приказы, коллегии, воеводы, губернаторы). При этом активно совершенствовалось законодательство о судопроизводстве, и соответственно деятельность судебных инстанций стала регулироваться также на более системном уровне, в том числе при рассмотрении дел о преступлениях против государства. Но оценки состояния дел в этой сфере исторических трудах различны. М.И. Сизиков, например, считает, что с изданием Указа 1697 г. («Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах») вообще был отменен суд (то есть состязательная форма судопроизводства), а затем с принятием Указа 1723 г. («О форме суда»), наоборот, вообще отменялся розыскной процесс [1, с. 48]. Именно эти два правовых акта являются важнейшими в развитии процессуального права в рассматриваемый период.

В этой связи замечу, что противоречивость уголовного процесса отражала в целом противоречивое развитие российского общества в ту эпоху, когда сочетались, с одной стороны, «просвещение» как отражение прогрессивных преобразований, и, с другой стороны, - последовательное укрепление абсолютизма, который отражал особенности российского государства в рассматриваемый период. Уже во второй половине XVII в. розыскной процесс («розыск», т.е., явное доминирование государственных органов в поиске и задержании подозреваемых, документальное закрепления результатов, передача материалов в процесс, собственно сам суд) становится основной доминирующей формой уголовного судопроизводства, которое основывалось на нормах Соборного уложения 1649 г. и последующих правовых актов [2, с. 90]. При этом концентрация абсолютной у императора Петра I не могла не повлиять на содержание судопроизводства по государственным преступлениям, и воля, точка зрения именно императора была решающей. В свою очередь, правосознание Петра I в немалой степени предопределялось его приверженностью к системе государственного управления, сложившейся тогда в странах Европы, причем не всегда соответствующие меры были достаточно продуманными с точки зрения их адаптации к российским условиям. В рассматриваемом контексте Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. должен был завершить построение судебной системы,

заменив все ранее существовавшие формы процесса. Однако этот указ, в свою очередь, также был противоречивым, о чем ниже будет сказано.

Если же иметь в виду в целом эволюцию процесса в России в рассматриваемый период, то имело место постепенное освобождение от остатков древнего обвинительного суда, некоторым ограничением прав сторон и усилением публичного характера судопроизводства (т.е., например, обязанность доказывать вину преступника переходила от потерпевших и других частных лиц к государевым людям, чиновникам, и это была всеобщая тенденция: государство было заинтересовано в обеспечении надлежащего социального порядка, соответственно обвинительный уклон в уголовном процессе ослабевал, а розыскной, напротив, укреплялся). Затрагивая эти вопросы, Л.В. Батиев отмечает, что при рассмотрении тяжких уголовных преступлений, и прежде всего против государства, против церкви, финансов, порядка управления и правосудия, «разбой», «татьба», убийство, другие так называемые «губные» дела, а также дела, причисленные к тяжким, уже рассматривались по розыскной форме судопроизводства. Судопроизводство по делам о государственных преступлениях хотя и имело свои процессуальные особенности, однако в целом являлось разновидностью общего уголовного процесса.

В этой связи представляет интерес оценка важнейших процессуальных актов рассматриваемого периода, и прежде всего отмеченного Указа от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» [3]. В литературе отмечается, что здесь необходимо более внимательно относиться к терминам, имея в виду, что «отмененными» были «суды» и «очные ставки» в узком, специальном значении (т.е. как говорение от сторон процесса), поскольку прения сторон - важный, но далеко не единственный элемент состязательности, и акцент был переведен к следующей стадии - исследованию и оценке доказательств, и прежде всего допросам фигурантов процесса, которые могли тем самым своими показаниями защищать себя и уличать других лиц. Однако при рассмотрении дел по государственным преступлениям такого рода состязательность сторон была ограничена до минимума и, разумеется, не в пользу подсудимых [4, с. 84].

Уголовно-процессуальная практика была обобщена в такой важном судопроизводственном акте, как «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. [5] Этот документ основывается на принципах Указа 1697 г. и развивает их применительно к военной юстиции. Вместо с тем этот закон вносит существенно новые формы и институты в процессуальное право России. Следует отметить в рассматриваемом документе такую тенденцию: инициатива сторон сужается за счет расширения полномочий суда. Однако одновременно деятельность суда и оценка им обстоятельств дела все жестче регламентируется законом, для проявления собственного усмотрения и какой-либо инициативы у судей остается всё меньше пространства, и всё больше говорится о самих доказательствах и методах их оценки, чем об определенных процессуальных действиях. Именно в этом плане и построен соответствующий раздел данного правового акта. Система доказательств здесь по сравнению с Соборным уложением выглядит достаточно стройно. Круг доказательств определен исчерпывающе, они расположены в разделе по степени их ценности от наилучшего (на взгляд законодателя) к наихудшему. Наиболее ценным в соответствии с теорией формальных доказательств считалось собственное признание, наименее ценным - присяга [6, с. 44-48].

Соответственно сложилась система формальных доказательств (это происходило в русле общего процесса бюрократизации в сфере государственного управления). По этому поводу в «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» имелись противоречивые нормы. Так, с одной стороны указывалось: «Паче всего надлежит челобитчику жалобы свои исправно доказать, ибо ежели челобитчик оного, о чем он жалобу приносит, доказать не

может, то может потом ответчик от суда освобожден быть» [5]. Как видно, истец сам должен доказать вину ответчика, и для гражданско-правовых дел этот принцип состязательного процесса сохранялся и закреплялся (и сохраняется до сих пор). Вместе с тем наряду с этим принципом законодатель тут же устанавливает: «Напротив же, должен ответчик невинность свою основательным доказанием, когда потребно будет, оправдать, и учиненное на него доношение правдою опровергнуть» [5]. Правда, здесь делается существенная оговорка: «когда потребно будет».

Но «Краткое изображение...» относилось как к гражданскому, так и к уголовному процессу, и если в отношении первого формальные доказательства можно считать явлением прогрессивным, то в отношении второго - нет, поскольку и в уголовном процессе обвиняемый должен был доказывать свою невиновность, соответственно обвинители, не считая «языка» и «изветчика», находились в явно привилегированном положении. Особенно характерно это проявлялось как раз по делам о государственных преступлениях. При этом, как отмечает Н.Б. Голикова, главным обвинителем выступал по сути сам суд, а доносы тех же «языка» и «изветчика» выполняли лишь роль средства розыска. Признания обвиняемого в совершенном преступлении было достаточным для того, чтобы признать его виновным и реализовать предусмотренные законом санкции. Кроме того, в уголовном процессе, особенно по «государеву слову и делу», большую силу имели показания свидетелей, которых в делах маловажных было достаточно для обвинения независимо от признания обвиняемого. В прочих случаях их вторично допрашивали, давали «очные ставки», пытали, если их показания расходились [7, с. 79].

Противоречивый характер процесса в петровскую эпоху востребовал более четкую позицию государства (законодателя прежде всего) в этой сфере. И такая позиция была выражена - в виде упомянутого выше Указа от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» [8], который был разослан по всем ведомствам, в том числе Военную коллегия, Адмиралтейств-коллегия, откуда документ посылался в нижестоящие инстанции. Издание этого документа в силу его значимости в историко-правовой литературе оценивается как проведение судебной реформы, и имеет разные оценки историков. К.Д. Кавелин по этому поводу писал, что «об этом указе существуют у нас два противоположных мнения. Одни думают, что она была таким же нововведением, как и большая часть утверждений, данных России Петром Великим, другие, напротив, видят в ней восстановление нашего древнего суда, формы гражданского судопроизводства, разумеется, видоизмененной сообразно потребностям времени» [9, с. 410]. По мнению Б.И. Сыромятникова, «суд по форме» это не «суд», не состязательный процесс, а такой же «сыскной», как и розыск, это «допрос», следственное производство, упрощенное и до крайности регламентированное» [10, с. 173]. С другой стороны Ф.М. Дмитриев отмечает, что «указ вообще умалчивает о многих существенных частях процесса: в нем ничего не сказано о судебных доказательствах, об исполнении приговора, опущены способы взыскания и судебные пошлины» [11, с. 542].

Между тем, как представляется, в практике общие тенденции развития абсолютизма все же требовали доминирования розыскного судопроизводства, хотя, может быть, и не в столь значительной мере, как было до этого, поэтому Указ «О форме суда» вряд ли мог принципиально отменить предшествующую систему отправления правосудия. А учитывая, что гражданский и уголовный процессы по-прежнему не были официально разделены, и имея в виду, что в уголовном процессе объективно, в силу характера этого вида процесса без розыска как формы судопроизводства не обойтись, то последний (розыск) не мог быть отменен в принципе, и тем более по делам по политическим преступлениям. Собственно, и в самом Указе имеется упоминание о применении розыска («А ежели кто будет иным образом судить и разыскивать» - такая фраза есть в образце челобитной, которая приводится в самом конце указа), что подтверждает противоречивость развития судебного процесса в России того времени. Поэтому попытка этим указом создать единую

форму для состязательного и розыскного процессов, единую структуру судопроизводства с целью не допустить ничего, прямо к разбираемому делу не относящегося, затягивающего рассмотрение, и, тем самым, упростить работу суда, не получила в дальнейшем своего развития, поскольку установленная указом форма судопроизводства не могла заменить собой все действующее процессуальное право, тем более в вопросах, о которых в указе ничего не сказано, в том числе о производстве по государственным преступлениям.

Здесь нужно иметь в виду проверенную веками константу - гражданские и уголовные процессы - слишком разные формы судопроизводства, и прежде всего с точки зрения участия в нем государства, и не случайно до сих пор эти две формы суда по-прежнему функционируют отдельно, причем принципиально по многим позициям, и признаков их сближения не наблюдается. Но тогда, при Петре I, такое понимание еще не пришло в правосознание официальных лиц, и этот Указ предписывал форму суда, которая, вероятно, Петру I представлялась как наиболее оптимальная и для состязательной, и для розыскной форм судопроизводства. В дальнейшем судебная практика покажет ошибочность внедрения единой формы суда для всех видов судопроизводства, хотя и далеко не сразу (окончательное упразднение единой «формы суда» применительно к уголовным делам произойдет с изданием Свода закона Российской империи в 1832г.).

Основные стадии уголовного процесса в рассматриваемый период по государственным преступлениям некоторым образом отличались от соответствующих стадий по иным преступлениям, хотя в нормативных актах, регулировавших уголовный процесс, это не находило отражения. Как пишет В.В. Сокольский, общими основаниями для начала розыска после обнаружения преступления были: «облихование повальным обыском», «язычная молка», «извет», поимка на месте преступления, поимка подозрительных лиц в результате полицейских и военно-полицейских мероприятий, «гонение следа», привод феодалом (приказчиком) своих крестьян с конкретным обвинением в преступлении и т.п., донос фискала, выявление преступления в ходе судебного разбирательства, прокурорского надзора. Ранее широко применявшиеся общие повальные обыски к концу первой четверти XVIII в. постепенно исключились из [12, с. 142].

Что касается субъектов судебной деятельности, то следует отметить, что определенное значение имело создание нового территориального управления (губерний) и упразднение действовавшей ранее системы приказов как централизованных органов управления в Московском государстве (их заменили коллегии – как прообразы будущих министерств, созданных в самом начале XIX в.), был образован также Сенат, который станет высшим, после императора, органом власти и управления, а несколько позже станет также и высшим судебным органом, в тот же период образованы институты прокуратуры, полиции, фискалов. При этом судебные органы развивались по шведской модели, которую император считал приоритетной, соответственно предусматривались нижние (провинциальные и городские) суды, надворные суды и Юстиц-коллегия. Разумеется, при тогдашнем жестком абсолютизме не могло быть отделения суда от администрации ни на местном, ни на других уровнях власти и управления (к этому будет иметь движение и произойдет лишь в рамках судебной реформы 1864 г.). Соответственно, как пишет Л.В. Батиев, новая система судов в минимальной степени затронула производство по государственным преступлениям, рассмотрение дел по которым концентрировались в весьма ограниченном перечне судебных органов. Отсутствовало и четкое разделение функций – так, воеводы должны были «чинить вспомогательство» в «экзекуции», и имели право при несогласии с приговором приостанавливать исполнение с подачей доношения в вышестоящий суд [4, с. 86].

В этом контексте необходимо отметить появление новых органов, обладавших немалыми полномочиями в сфере судопроизводства. Так, в 1723 г. при Сенате были образована постоянная Контора розыскных дел и работавшая в необходимых случаях

«Особливая палата»; позже они были объединены в Розыскную палату, которая производила судебное следствие и предлагала проект приговора императору или Сенату. Особое положение занимали чрезвычайные следственно-розыскные органы по делам о государственных преступлениях, что также свидетельствует об усилении публичных начал в судопроизводстве. Наиболее независимое положение (разумеется, относительно других органов, поскольку полностью независимых органов при абсолютизме не могло быть в принципе) имел Преображенский приказ (существовал с конца XVII в. до 1729г., в числе его предшественников - Приказ Розыскных дел, Преображенская съезжая изба). Преображенский приказ находился в Москве, ведал охраной порядка, осуществлял следствие и суд по государственным делам в отношении всех лиц с властными полномочиями в отношении всех центральных и местных учреждений; по указу 1702 г. предписывалось «людей, которые учнут за собой сказывать государево слово и дело, присылать к Москве не спрашивая ... к стольнику, к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому», то есть, его роль существенно выросла.

Другой важный орган политического сыска – Тайная канцелярия. Как отмечает В.И. Веретенников, Тайная канцелярия (Тайная розыскных дел канцелярия) возникла в 1718 г. как временный орган для расследования дела царевича Алексея Петровича и его матери Евдокии Лопухиной, но затем ее деятельность продолжилась. В 1722 г. решением Петра I Тайная канцелярия и Преображенский приказ стали иметь схожую обязанность вести розыск по уголовно-политическим делам. Возможно, император, придавая значительное внимание преступным посягательствам против власти, имел в виду прежде всего самого себя, тем самым стремился не из одного, а из двух источников иметь более объективную информацию по такого рода делам [13, с. 127]. А по мнению Т.Н. Ефремовой, решающую роль в дублировании органов сыска сыграл географический фактор: с одной стороны, Москва олицетворяла старину, была центром оппозиции реформам, поэтому Петр I не считал возможным вывести из старой столицы Преображенский приказ, с другой – царю была необходима тайная полиция «под рукой» – в Санкт-Петербурге. Сложившийся параллелизм в деятельности двух этих учреждений подтверждается тем, что местные власти начинают направлять дела или в Преображенский приказ, или в Тайную канцелярию [14, с. 89]. В 1726 г., то есть, после смерти Петра I, Тайная канцелярия будет упразднена (но такой орган в разных формах будет существовать и в дальнейшем).

До учреждения Тайной канцелярии некоторые дела рассматривал Сенат, в частности, в 1718 г. было рассмотрено дело по обвинению Анны Кротихиной в произнесении непристойных слов о государе. Однако уже в 1721 г. Сенат издал указ, согласно которому предписывалось уголовно-политические направлять в Преображенский приказ, а в Петербурге, где его не было – в Тайную розыскную канцелярию. Такой указ мотивировался тем, что Сенат был перегружен иного рода делами настолько, что «стало чиниться в правлении генеральных дел помешательство».

Верховным судьей был, разумеется, сам император Петр I, что вполне вписывалось в концепцию абсолютизма. Интерес Петра I к сыску во многом объясняется его непосредственным участием в острой борьбе за власть (с царевной Софьей, московским боярством, стрельцами), которую он выдержал в молодости и в которой проявил решительность и жестокость и, вероятно, получил понимание того, что власть нужно охранять как следует даже от близких людей. Вместе с тем по отдельным преступлениям приговоры выносили иные высокопоставленные должностные лица и органы, но – не иначе как по соответствующему делегированию полномочий от императора (те же Преображенский приказ и Тайная канцелярия). Нужно при этом иметь в виду, что в конце XVII – начале XVIII вв. деятельность по расследованию политических преступлений, включая розыск обвиняемых, осуществляли также назначаемые монархом специальные порученцы – доверенные люди, поставленные во главе комиссий. Таких сыскных

(«розыскных») приказов-комиссий было довольно много, они ведали дела о злоупотреблениях должностных лиц, измене, порче, мятежах (например, после воцарения Петра I в 1689 г. был создан Приказ розыскных дел боярина Т. Н. Стрешнева по делу Ф.Л. Шакловитого, а октябре 1698 г., с началом «стрелецкого розыска», было образовано сразу десять следственных комиссий).

Помимо этого, как отмечает Н.Б. Голикова, в судопроизводственной практике по государственным преступлениям в период правления Петра I приговоры по уголовно-политическим делам определялись в виде проектов посредством специальных временных судебных органов - «генеральных комиссий» или «генеральных судов», которые предлагали на утверждение императору. Образовывали такие органы на время рассмотрения конкретного дела, состав определялся царем, в «досенатские времена» (до 1711 г.) такие комиссии, по традиции тех лет, назывались одним словом - «бояре». Костяк их составляли члены Боярской думы и другие высшие должностные лица, которых назначал сам царь. Практиковались и другие варианты формирования судов [7, с. 83]. Так, С. Ушерович отмечает, что предварительные решения в отношении А.В. Кикина и других участников дела о побеге царевича Алексея за пределы России выносил Сенат и так называемые «министры», заседавшие в 1718 г. на Генеральном дворе в Преображенском приказе. Состав судебной комиссии определялся царем из сенаторов, высших военных, чиновников и офицеров гвардии. По воле царя в суд вошло 128 человек, фактически вся тогдашняя чиновная верхушка. В их приговоре царевич Алексей за преступления «против государя и отца своего, яко сын и подданный Его величества, достоин смерти». Но этот приговор не был окончательным: «Хотя сей приговор мы, яко рабы и подданные ... объявляем... подвергая, впрочем, сей наш приговор и осуждение в самодержавную власть, волю и милосердное рассмотрение Его ц.в. всемилостивейшего нашего монарха» [15, с. 536]. Последнюю точку поставил сам император, утвердив этот приговор (но этот вердикт не был исполнен, так как царевича настигла смерть от апоплексического удара во время нахождения в Петропавловской крепости). Столь жесткие приговоры были частыми. Как пишет в этой связи В.В. Черных, это было во много связано «с личностью императора, вознамерившегося сформировать "регулярное государство" с изрядной долей подражательства западной модели, особенно в ужесточении наказания за преступления» [16, с. 67].

Как видно, в период правления Петра I судоустройство по государственным преступлениям не имело сколько-нибудь четкой системы судебных органов, имело место сочетание различных видов порученчества и возникавших на его основе временных учреждений - комиссий (приказов, канцелярий). Обычно за разнообразием судебных организационных форм стояло конкретное поручение государя, причем в особо важных случаях самодержец поручал расследование всему, как тогда говорили, «синклиту», «начальствующим», «министрам», высшим должностным лицам (боярам, потом - сенаторам, членам Синода, судьям приказов, президентам коллегий и др.). Но здесь важно заметить, что разного рода следственные комиссии как правило опирались на постоянные органы политического сыска, используя их бюрократический аппарат. При этом предварительное расследование обычно означало одновременно и судебное рассмотрение. Боярская дума (до ее фактического упразднения), а затем Сенат осуществляли судебную деятельность по отдельным делам и без соответствующего нормативно-правового регулирования, а на основе опять же указаний царя. В целом в петровскую эпоху судопроизводство развивалось весьма противоречиво, что в значительной степени было обусловлено прежде всего складывавшейся общественно-политической ситуацией в стране.

Список литературы:

1. Сизиков М.И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. М.: Инфра-М, 1998.
2. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.
3. Указ от 21.02.1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // ПСЗ-1. № 1572.
4. Батиев Л.В. Судопроизводство в России в середине XVII – начале XXVIII вв. Ростов-на-Дону, 1994.
5. Указ от 26.04.1715 г. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» // Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. С. 824-841.
6. Буримов Р. Ю. Развитие уголовно-процессуального законодательства и судебная деятельность по государственным преступлениям в эпоху правления Петра I // Актуальные вопросы юридических наук. Челябинск, 2012.
7. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957.
8. Указ от 05.11. 1723 г. «О форме суда» // ПСЗ-1. № 4344.
9. Кавелин К.Д. Собр.соч. СПб., 1897. Т. 2.
10. Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России (до издания Свода законов) // Судебная реформа. Т.1. М., 1913.
11. Дмитриев Ф.М. Сочинения. Т. 1. СПб., 1899.
12. Сокольский В.В. Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев, 1871.
13. Веретенников В.И. История тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
14. Ефремова Т.Н. Становление и развитие органов политического сыска в России (1695-1801) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2009. № 2. С. 83-92.
15. Ушерович С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1932.
16. Черных В. В. Поджог как уголовное деяние в период правления Петра Первого // Вестник Вост.-Сиб. института МВД России. 2024. № 1. С. 59-68.

References:

1. Sizikov M.I. History of the state and law of Russia from the end of the XVII to the beginning of the XIX century. Moscow: Infra-M, 1998.
2. Cheltsov M.A. Criminal process. Moscow, 1948.
3. Decree of 02/21/1697 "On the abolition of confrontations in court cases, on being instead of questioning and search, on witnesses, on their recusal, on the oath, on the punishment of false witnesses and on toll money" // PSZ-1. No. 1572.
4. Batiev L.V. Judicial proceedings in Russia in the middle of the XVII – early XVIII centuries. Rostov-on-Don, 1994.
5. Decree of 04/26/1715 "A brief image of trials or litigation" // Legislation of Peter I. M.: Jurid. lit., 1997. pp. 824-841.
6. Burimov R. Y. The development of criminal procedure legislation and judicial activity on state crimes during the reign of Peter I // Actual issues of legal sciences. Chelyabinsk, 2012.
7. Golikova N.B. Political trials under Peter 1. Moscow, 1957.
8. Decree of 05.11. 1723 "On the form of the court" // PSZ-1. No. 4344.

9. Kavelin K.D. *Sobr. soch.* SPb., 1897. Vol. 2.
10. Syromyatnikov B.I. *An essay on the history of the court in ancient and new Russia (before the publication of the Code of Laws) // Judicial reform.* Vol.1. Moscow, 1913.
11. Dmitriev F.M. *Essays.* Vol. 1. St. Petersburg, 1899.
12. Sokolsky V.V. *The most important moments in the history of a general search.* Kiev, 1871.
13. Veretennikov V.I. *The history of the Secret Chancellery of Peter the Great.* Kharkov, 1910.
14. Efremova T.N. *The formation and development of political investigative bodies in Russia (1695-1801) // Bulletin of Perm University. Series: History.* 2009. No. 2. pp. 83-92.
15. Usherovich S. *Capital punishment in Tsarist Russia.* Kharkov, 1932.
16. Chernykh V. V. *Arson as a criminal act during the reign of Peter the Great // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2024. No. 1. pp. 59-68.